

Ю. А. КОРОЛЁВ

**Кремлевский советник
(XX век глазами очевидцев)**

<Фрагмент>

С именем Брежнева связано значительное событие в жизни советского общества и государства (критически пересмотренное в годы перестройки и больших политических преобразований): принятие в 1977 году новой Конституции СССР. Конституция 1936 года во всех отношениях к тому времени явно устарела, неоднократно изменялась, дополнялась, поправлялась. И теперь Конституция должна была отразить новый этап в жизни общества. Насколько это удалось, трудно говорить. Сейчас мы с большими сомнениями относимся к этому документу. Но это — сейчас. Тем не менее по сравнению с 1936 годом новый Основной Закон, бесспорно, явился впечатляющим шагом вперед. Брежнев — Президент, Генсек, Председатель Конституционной комиссии — произнес доклад на внеочередной сессии Верховного Совета. Была принята декларация. День 7 октября стал днем Конституции.

Много было сказано красивых и пышных слов как в адрес Председателя, так и самой Конституции. Даже в период «труб и барабанов, салютов и здравий» это было довольно-таки ярким событием, привлечшим внимание всего мира. Проект Конституции был опубликован за два месяца до ее принятия, в обсуждении участвовали миллионы людей, поступило почти полмиллиона замечаний и предложений, которые сводились в многотомные фолианты в аппарате Президента, обобщались, анализировались и оценивались (какой это был адский труд!). Спектакль был отлично поставлен умелыми людьми, показан послушной, загипнотизированной народной массе, привычно управляемой разветвленным партийным аппаратом. В результате — всенародное одобрение.

Президиум информировал, что многие предложения, опубликованные в печати или присланные в Верховный Совет, помогли сформулировать, уточнить ряд статей Конституции.

Вспоминаю «спор» у Президента о цифре (для публикации) предложений, полученных по проекту Конституции.

Мы — группа, обобщающая письма, считали, что предложений поступило около 300 тысяч — помощники и специалисты из ЦК считают, что около 600 тысяч, и то эта цифра им кажется заниженной. А Президент все же хочет знать: а точно-то сколько?

— Да разве подсчитаешь, Леонид Ильич? В одном письме десять предложений, а под другим — десять подписей...

— Ну ладно, пусть будет четыреста тысяч.

Вообще сам процесс разработки, обсуждения и принятия новой Конституции внешне выглядел очень демократично, население страны было занято этим длительное время. Но не секрет, и это сегодня хорошо видно, что во многом в Конституции провозглашались принципы, утверждались положения, которые ни в коей мере не соответствовали действительности, реальному состоянию общества, его потребностям, производительным силам. Повсеместно ухудшалось снабжение городов и сел; вопреки искусственному благополучию, создаваемому сводками ЦСУ, тормозилось развитие промышленности (кроме военной); все виднее становилась техническая и научная отсталость; неразумно тратилась валюта. И на этом фоне всенародный праздник — принимается Конституция. Это, надо понимать, был тщательно продуманный партийным руководством ход, с тем чтобы отвлечь внимание испытывавшего все большие трудности народа от проблем бытовых, экономических и социальных. Да и Леониду Ильичу хотелось кроме лавров литературных еще и славы творца документа эпохи.

Не буду давать характеристик Основному Закону, о нем сказано и написано много, добавлю только — декларации, права без гарантий и всюду партия, как руководящая и направляющая сила — а критика и активная переделка его прошла уже в наши дни, ограничусь лишь собственными наблюдениями по ходу подготовки проекта.

Как известно, над каждым разделом проекта Конституции трудились специально созданные группы видных партийных, советских работников и ученых, главным образом юристов, политологов, философов, экономистов. В работе одной из таких групп в течение нескольких дней участвовал и я на специальной даче в Серебряном бору.

За высоким забором с охраной в хорошо оборудованном особняке какого-то бывшего видного работника, с горничной, буфетчицей и другим персоналом, собрался сравнительно узкий круг лиц. Главным был, по всей видимости, Александр Бовин — политический обозреватель «Известий», а ранее ответственный работник

ЦК (кстати, написавший об этом в своих воспоминаниях); были также Владимир Кудрявцев — тогда членкор Академии наук, юрист, Анатолий Лукьянов — в то время консультант ЦК, Вадим Собакин — тоже из ЦК, еще несколько специалистов. Кроме того, регулярно приглашались (вызывались) и другие нужные для работы люди¹.

Возник горячий спор по проблеме структуры Советов народных депутатов. В Конституции менялось даже их название (ранее были Советы депутатов трудящихся), не могли никак определиться с вопросом об их функциях и компетенции. Дискуссия шла уже не по существу вопроса, по формулировкам. Обсуждалась, и очень горячо, структура парламента, Президиума, палат, комиссий. Вызвали меня туда как специалиста в вопросах публикации законов, указов и других парламентских актов.

Обстановка и отношения на даче были совершенно свободные, неформальные и дружеские. Предложения можно было вносить любые, но и критику надо было терпеть самую резкую, нелицеприятную. Богатый русский язык при этом использовался в полной мере, но обид не было. Проработал я с этими товарищами недолго, но ушел с четким выводом: Конституция создается здесь профессионалами, специалистами, которые могут написать речи, подготовить доклад, а при необходимости — любой закон и Конституцию. На самом же верху иногда и не понимают всех правовых тонкостей, характера отношений, норм, их взаимосвязи и взаимозависимости.

Формулировки, удачные предложения, плодотворные идеи приходили из десятка таких творческих лабораторий в Конституционную комиссию к секретарю ЦК академику Борису Пономареву. Ну а что получилось в результате? Куда пошла страна и пришла партия, мы видим сегодня, через полтора десятка лет.

Так что же такое Конституция? Правила жизни общества или же краткая жизнь правил? Только история даст ответ на все эти вопросы. Конечно, дело не в Основном Законе, а в органических пороках самого строя.

Не могу не рассказать и о ходе самой внеочередной седьмой сессии Верховного Совета, на которой был принят Основной Закон жизни страны. Мы, участники ее подготовки, уже достаточно утомленные и практически потерявшие к ней интерес, смотрели на разворачивавшееся перед нами действо несколько скептически, наблюдали за поведением «героев». Доклад перед депутатами делал Председатель Конституционной комиссии, Генеральный секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума Верховного Совета СССР (он же Верховный Главнокомандующий, Председатель

Совета Обороны и прочая и прочая) Леонид Ильич Брежнев. Нескончаемые аплодисменты, переходящие в овации (так писали газеты), заранее уже одобрили Конституцию. Однако еще раз образовали Редакционную комиссию «во главе товарища Брежнева», как говорил наш секретарь Президиума. Затем доклад Брежнева об итогах работы этой комиссии и заключительное слово, опять же Леонида Ильича.

К чему я все это описываю? Цель одна и очень простая — вот он, новый культ новой личности. Брежнев — творец Конституции, и, не моргнув глазом, принял он и это звание.

А как выступали депутаты? По сорок шесть человек в каждой палате, как сговорились. Причем более бесцветных выступлений я просто не слышал.

Это был 1977 год, страна медленно втягивалась в кризис, приближалась экономическая, политическая и национальная катастрофа. Но о ней ни слова ни в одном выступлении. Как будто загипнотизированными были народные депутаты в огромном зале Дворца съездов.

В подвальных помещениях, согнувшись над стенограммами, докладом, речами и выступлениями, сидели редакторы, переводчики, корректоры, машинистки, тот народ, без которого не обходится ни одно государственное мероприятие, ни один всенародный форум. Да, поработали мы в эти дни немало. И хотя труд наш был невиден и по заслугам не оценен, все чувствовали себя причастными к этому великому, как казалось, делу.

Конституция ленинская, сталинская, брежневская — ну как не почувствовать себя в этой ситуации, в такой компании настоящим героем-творцом?

На этой же сессии первым заместителем Председателя Президиума был избран Василий Васильевич Кузнецов, многоопытный партийный и государственный деятель, правда уже семидесяти восьми лет. Ну что ж, такова была традиция — чем старше, тем мудрее, тем спокойнее.

Четыре дня продолжалась внеочередная сессия, и завершением ее для аппарата была встреча с Президентом (а они становились все реже и реже). Не помню точно, что там происходило, но бесспорно что-то очень приятное, и, конечно, затем премии и благодарности. Не хочу себя выпячивать, очевидно, и у других руководителей всего хватало, но в мою трудовую книжку пришлось вклеивать с десятком дополнительных страниц, чтобы разместить все награды — премии, благодарности и прочее.

Аппарат — опору режима — поддерживали всячески, ну и мы, конечно, старались, служили... Кстати, доклад мандатной комис-

сии Совета Национальностей на сессии делал ее председатель Эдуард Шеварднадзе, тогда еще малозаметный депутат, секретарь грузинской Компартии, понемногу поднимающийся вверх в партийно-государственной иерархии.

А как вы думаете, какой была первая поправка к принятой в 1977 году Конституции? Что-нибудь очень важное? Ничего подобного: забыли включить в состав Президиума Совета Министров, куда входили Председатель и его заместители, управляющего делами СМ (тогда им был Смиртюков — очень близкий к руководству деятель), так и появилась первая поправка: «...могут входить по решению Совета Министров и другие члены Правительства СССР» (ст. 132).

Посмотрим же, как реализовывались положения Конституции в новых законах. Основы жилищного законодательства, принятые через четыре года, воплотили в себе право на жилье, которое содержалось в Конституции 1977 года. В остальном все, что касалось прав и свобод граждан, представляло собой повторение или перепев прежних положений. И только пункт «право на жилище» прозвучал впервые, раньше об этом и говорить при существовавшем в Союзе жилищном кризисе было невозможно. И вот оно, это право, провозглашено. Но где же жилище, на которое гражданин получил право? Жилья не прибавилось или же прибавилось совсем немного, а очередников, обладающих всеми правами на него, в десятки (сотни?) раз больше. Но выход найден. Давайте, мол, сначала разработаем новый закон для реализации конституционного права — Основы законодательства, затем примем республиканские жилищные кодексы, ну а потом начнем решать жилищную проблему. Насколько легче ее решать в законодательном порядке, чем в жизни! Не надо ни бетона, ни кирпича, ни цемента, ни леса, ни стекла, не нужно даже рабочих-строителей. Нужен закон — хороший, прочный, совершенно новый. Этим и занялись законодатели.

Брежнев лично несколько раз собирал председателей постоянных комиссий, с тем чтобы найти хоть что-нибудь реальное, что можно сегодня записать в этот акт. Не скажу, чтобы помощники обманывали его, тем более что в распоряжении Генсека находился огромный и квалифицированный аппарат Центрального Комитета. Однако провести минимальное эффективное мероприятие в жилищной сфере не представлялось возможным.

Тогда по его настоянию несколько сместили акценты и проблему поставили так: «О развитии жилищного хозяйства, улучшении использования и о сохранности жилищного фонда». И сразу всем стало легче — помог испытанный прием перенесения центра тяжести с главного вопроса на второстепенный, чтобы отвести глаза нуждающимся.

— Давайте дружно сохранять жилье, с умом пользоваться им, а кто не будет этого делать, того накажем, снимем с работы.

После обсуждения этого жгучего вопроса уже легче, почти совсем незаметно прошел и процесс принятия Основ жилищного законодательства, в общем-то сохранивших существовавший порядок. Да и трудно было бы придумать что-либо другое, поскольку жилищная проблема является самой острой в стране и до настоящего времени.

Подводя впоследствии итоги прошедшей сессии на совещании работников Секретариата, Леонид Ильич поделился с нами некоторыми своими обычно невысказываемыми соображениями:

— Прежде всего надо старательно в речах депутатов, в докладах проводить мысль о том, что данный вопрос вносится правительством (или профсоюзами), чтобы был четко виден ответственный за инициативу и выполнение, чтобы было с кого спросить. Вы же отлично видите, насколько трудно реализовать жилищную программу — ну-ка скажите, у Кого из сидящих здесь есть еще трудности с жильем? — Откликнулись человек пять. — Вот видите, и это в нашем аппарате, сравнительно неплохо обеспеченном. А сколько хотели бы улучшить свои жилищные условия, и считать не надо, полагаю, все. Вот вам и жилищная программа! Но закон принят, теперь ваша задача — обобщить все замечания и предложения по нему, которые пришли в письмах к нам, которые депутаты дали в комиссиях, и я направлю их с хорошей запиской, вы уж тут постарайтесь поумнее все подать, в Центральный Комитет, по ней примем развернутое постановление, определим этапы реализации, вызовем руководителей ведомств, спросим с них. Одним словом, надо что-то делать, но не спеша и не затягивая.

После такого откровенного разговора оптимистичнее смотреть на принятый закон мы не стали, однако собственную программу усвоили.

